

УДК 72.03

Искандаров М.М. – старший преподавательE-mail: iskandarovm@gmail.com**Казанский государственный архитектурно-строительный университет****Михайлов А.Ю.** – кандидат исторических наук, ассистентE-mail: apunion@mail.ru**Казанский (Приволжский) федеральный университет****СОВЕТСКИЙ НЕОКЛАССИЦИЗМ:
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АРХИТЕКТУРЫ 1930-1950-Х ГГ.****АННОТАЦИЯ**

Данная статья посвящена исследовательским интерпретациям архитектуры 1930-1950-х гг. в российской историографии. Акцент сделан на терминах и понятиях, в которых описывается сталинская архитектура. Показано, что «область рассеивания» понятия советский неоклассицизм варьируется от «сталинского ампира» и «пролетарской классики» до историзма, понятий, взаимоисключающих друг друга.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: советский неоклассицизм, «социалистический неоклассицизм», постконструктивизм, «сталинский ампира», «пролетарская классика», историзм, «культура два».

Iskandarov M.M. – senior lecturer**Kazan State University of Architecture and Engineering****Mikhailov A.Y.** – candidate of historical sciences, assistant**Kazan (Volga river) Federal University****SOVIET NEOCLASSICISM:
RESEARCH INTERPRETATION OF ARCHITECTURE 1930-1950****ABSTRACT**

This article is devoted to research interpretations of architecture 1930-1950 in Russian historiography. Emphasis is placed on the terms and concepts that describe Stalinist architecture. It is shown that the «field distribution» of concepts Soviet neoclassicism ranging from the «Stalinist Empire» and «proletarian classic» to historicism, the concept of mutually exclusive of each other.

KEY WORDS: soviet neoclassicism, «the socialist neoclassicism», postkonstruktivizm, «Stalin's empire», «proletarian classic», historicism, «Culture Two».

Неоклассицизм как феномен смещенной, реактуализированной классики подразумевает некое инобытие сформировавшегося классического наследия, его существование в качественно изменившихся реалиях. Основные характеристики классицизма – идея Порядка, иерархии (форм и общественных отношений), социальные утопии, дидактический характер культуры, архитектуры, – получают новое стихийное, глобальное звучание. Теперь они более монументальны, величественны, пафосны.

Классика в современном понимании – это порождение «классической эпохи» [23, с. 113-114; 22] – для Европы это XVII-XVIII вв. – период выстраивания дисциплинированной, рациональной, математически описанной реальности [7, с. 47]. Соотносясь с этим, европейские искусствоведы называют классическим стилем – «style classique» – эпоху барокко, которая описывает «классический период» в социально-политической истории Европы [6, с. 16].

Считая сущностью классицизма просветительские проекты и социальные утопии, А.В. Иконников в своей периодизации советской архитектуры называет эпоху 1930-1950-х гг., то есть период советского неоклассицизма, «преобладанием популистской идеологизированной историцистской утопии «вечных ценностей», утверждавшей образы процветания» (1931-1941) и «абсолютным господством и догматизацией утопии «вечных ценностей», созданием ее канонизированных вариантов» [10, с. 286].

Классицизм, неоклассицизм в советском, постреволюционном контексте имеет совершенно новое преломление, сохраняя основные свои черты. Концептуально классика в советском интеллектуальном пространстве формировалась исходя из марксистской социальной теории с его

дискриминационными оппозициями – прогресс/регресс. «Прогрессивные с марксистской точки зрения эпохи – Античной Греции, Древнего Рима и итальянского Возрождения. Готика, барокко и буржуазный девятнадцатый век – эпохи регрессивные и чуждые», – пишет Д. Хмельницкий, интерпретируя художника Бела Уица в своей тенденциозной работе «Зодчий Сталин» [27, с. 159].

Ему вторит В. Паперный, говоря, что «освоение наследия советской архитектурой начинается с триады «Греция – Рим – Ренессанс», той самой, которая наиболее решительно отбрасывалась прошлой культурой» (то есть «культурой один») [17, с. 47]. Утверждает он это, ссылаясь на спектр мнений советской культурной элиты, подмечая нюансы в определении «классики».

Так, архитектор-неоклассицист И.А. Фомин подразумевал под этим «все периоды, начиная с Греции и Рима и кончая русским ампиrom... с отказом от традиционных пропорций (колоссальность, масштабность, гипертрофия пропорций и есть один из признаков неоклассицизма)» [17, с. 48].

Н.И. Луначарский и М.Я. Гинзбург понимали под классикой Древнюю Грецию. Первый советовал опираться на достижения греческой архитектуры при строительстве Дворца Советов, второй – апеллировал именно к периоду древнегреческой классики (VI-IV до н.э.). «На пером месте хочется поставить эллинское искусство, искусство пятидесятилетнего взлета Фидия, Иктина и Калликрата», – писал архитектор М.Я. Гинзбург [17, с. 48]. А. Толстой и А. Щусев понимали под классикой искусство Рима периода империи с его масштабностью и качеством [17, с. 47-48].

Область рассеивания понятия советский неоклассицизм (или стиль 1930-1950-х гг.) в отечественной историографии столь обширна, что включает в себя такие полярные и отрицающие друг друга определения как ампиr, «сталинский ампиr» (О.С. Хан-Магомедов, А.Г. Раппопорт [18, с. 64-74], М.Г. Меерович [15, с. 31-40] и др.) и историзм (А.В. Иконников). Первый – внеисторичен, имеет ориентацию на вечные ценности, второй – стиль с локализацией к конкретной эпохе и региону. Историзм есть могильщик классицизма, – отмечает один из современных исследователей ампира [20, с. 88]. Между полюсами – множество инвариантных терминов, которые формулируются в зависимости от избранного критерия. Так, маркер принадлежности к европейской классике дает неоакадемизм (О.С. Хан-Магомедов), «пролетарскую классику» (Ю.П. Волчок), неоклассицизм; критерий реализации социальной утопии – «вторую утопию» (А.И. Иконников); градация культуры по бинарным оппозициям – «культуру два» (В. Паперный).

Усвоив предыдущий опыт, современные екатеринбургские исследователи И.Е. Иовлева и О.В. Мартынович, занимающиеся проблемами советского неоклассицизма на материале Екатеринбурга (Свердловска), говорят о вариантах описания этого феномена через термины «сталинский декоративизм» и «сталинское барокко» [12, с. 1; 14].

А.В. Иконников применяет более функциональные определения. Разбирая архитектуру в системе координат формы и содержания, он употребляет такой термин как «соцреалистический неоклассицизм» [8, с. 404]. Или же, исходя из хронологического и стилистического критерия эпохи, определяет ее как «постконструктивистскую архитектуру» [8, с. 410].

Описывая стиль в архитектуре 1930-1950-х гг. через термин «сталинский ампиr» О.С. Хан-Магомедов подразумевает сверхмонументальную классику в духе европейцев Ж.Ж. Суффло, Виньена, Н. Буало, Д.Б. Пиранези и россиян – А. Витберга и И. Фомина. Основная тенденция здесь – это эмансипация стиля, стремление к вычищенности, рафинированности форм, к аисторичности («первый суперстиль») [24, с. 15].

Стремление к простоте и геометричности расширяло понятие классики (по сравнению с чистым классицизмом). Теперь помимо собственно древнегреческой и древнеримской классики она включала в себя египетские и архаические греческие эстетические идеалы. «Красная дорика» (И. Фомин) 1920-х гг. прямое тому подтверждение. В отечественной искусствоведческой традиции столь расширенное понимание классики естественно не определялось только через термин ампиr, как художественное архитектурное выражение неоклассицизма. Академик И. Грабарь даже ввел специальный термин – «александровский классицизм» (1800-1810) – для обозначения архаических, стихийных тенденций в классицизме.

Антиисторичность ампира утверждает современный исследователь культуры историк Д. Сдвижков. «Ориентация на античные идеалы для него означает подражание (imitation) людей и институтов современности (modernes) неизменным и универсальным идеалам древних (anciens). Империя оказывается в этом ряду таким же универсальным принципом государственного общежития, который выше режима, каким хотела себя видеть до того, рядясь в «тоги, сандалии и латиклавы», и французская республика», – пишет он [20, с. 88].

Идеология Советского Союза эпохи И.В. Сталина, ориентированная на вечные ценности, демонстрирует нам те же механизмы рецепции, что и «домодерная» Российская империя – калькирование символов и их подсознательное считывание. «Позитивное содержание его (ампира) – пафос гражданственности, службы легитимистскому Отечеству и императору (читай – вождю). Империи чужды идеологические переписывания символов – Россия спокойно заимствует французские эполеты, мундиры, даже наполеоновских орлов. Трансфер в конфликте тут настолько же естественен, насколько непредставимы потом свастики на ушанках», – замечает историк Д. Сдвижков [20, с. 94].

Противоположная тенденция в описании советского неоклассицизма – это его определение через историзм. Наиболее обоснованную концепцию в рамках этого подхода можно видеть у А.В. Иконникова. Он на излете советского времени (1990 г.) описывал советский неоклассицизм как один из вариантов историзма. В своей обобщающей работе по истории русской архитектуры применительно к концу 1940 – началу 1950-х гг. он констатирует: «Гибкую систему стилиобразования, которая установилась в 30-е гг., к концу 40-х гг. сменили несколько параллельно существующих канонизированных вариантов историзма – ренессансный, классицистический, «неорусский». Каждый основывался на формах, восходящих к определенному кругу прообразов (римский или североитальянский Ренессанс, поздний русский классицизм, московское барокко XVII в.)» [9, с. 363].

Неоднозначную интерпретацию архитектуры сталинской эпохи с позиции снятия дискриминационности предложила исследователь Ю.П. Волчок. Она считает, что художественный стиль 1930-1950-х гг. нужно описывать через более общее понятие, как «пролетарская классика», отказавшись от категории «сталинский ампир» как сугубо оценочной [5, с. 74]. Иллюстрируя свои рассуждения конкретными примерами, она считает, что под данные характеристики более всего подходит творчество И. Фомина [5, с. 74].

Данный термин признает и О.С. Хан-Магомедов, который называет «пролетарскую классику» не просто цитированием, а живой классикой, органической творческой традицией [24, с. 24]. Правда, из рассуждений исследователя не совсем ясно, какое из этих двух понятий – «сталинский ампир» и «пролетарская классика» – является более общим по отношению к другому [24, с. 17].

Почти четвертьвековое существование неоклассицизма в России естественно подразумевало его неоднозначность, инвариантность на различных этапах. Интерпретируя особенности в развитии, исследователи использовали хронологический критерий, водоразделом для которого была Великая Отечественная война. То есть советский неоклассицизм имел довоенную и послевоенную ипостась.

О.С. Хан-Магомедов описывает архитектуру эпохи Сталина и через термины «неоакадемическая стилизация» и «сталинский ампир» [24, с. 11]. Исходя из его рассуждений, можно сделать вывод, что первое она использует для описания довоенного периода, второе – для послевоенного.

Сходную с ним позицию занимает исследователь А.В. Рябушин. Так, говоря об особенностях довоенного неоклассицизма 1930-х гг., он настаивает, что для отрицания конструктивистских экспериментов использовался чистый, первозданный стиль «отца архитектурного классицизма» А. Палладио. Манифестом этого проекта был дом И. Жолтовского на ул. Моховой [19, с. 156].

Согласен в этом отношении с ним и А.В. Иконников. «Отрешенность архитектурной утопии тридцатых от конкретного исторического времени сделала естественным и прямое возрождение популярного в предреволюционной России палладианства, лидер которого И. Жолтовский строил свою концепцию на постулате вечности эстетической ценности классики... Стройная система, к которой Жолтовский привел палладианство, оказалась привлекательной как вариант воплощения поставангардной архитектурной утопии и привлекала многих последователей», – пишет он в одной из статей [11, с. 35].

Утонченный стиль последних предвоенных лет условно можно называть «помпейским», как предложил А.В. Иконников. Характеризуется он отходом от титанизма Ренессанса или циклопичности неоклассицизма в пользу детализировки и большей невесомости как в экстерьере (сдвоенные тонкие колонны) и интерьере (фрески и др.) [8, с. 420-422].

Послевоенный неоклассицизм 1940-1950-х гг. А.В. Рябушин описывает через термины пафоса победы и ампир [19, с. 243]. Обращение к ампиру, как к «поздней фазе русского классицизма конца XVIII-начала XIX вв.», он объясняет параллелями в самоощущении общества с эйфорией после войны 1812 г. Уже усвоенные за полтора века в национальной традиции символы триумфа, победы, героики транслировались в новых советских условиях. «В пору, когда отгремела война 1941-1945 гг., когда в воздухе носились те же ощущения победы и триумфа, всеобщего облегчения и единения, не вспомнить именно об этих архитектурных формах было невозможно. Каждым русским, да и не

только русским, они воспринимались как естественные национально окрашенные символы торжества, героики, искренности и радости», – резюмирует он [19, с. 243-246].

Интересны характеристики, которые дал А.В. Иконников для довоенного и послевоенного советского неоклассицизма. «В 1930-е гг. его связывали с выражением «всечеловечности» социалистической культуры, опирающейся на высшие достижения мировой культуры» [9, с. 364], – пишет он, то есть неоклассицизм носил мессианский характер, описывал тенденцию на экспорт социалистической революции. «В послевоенном десятилетии обращение к отечественной классике противопоставлялось «космополитическому» модернизму Запада и, напротив, служило утверждению культурной обособленности» [9, с. 364] – так характеризуется поствоенный стиль, служащий маркером национально-государственной идентификации.

В современной отечественной и эмигрантской историографии существуют дискриминационные трактовки стиля и архитектурных интенций 1930-1950-х гг., исходя из социально-политического контекста эпохи Сталина.

Данное направление представлено В. Паперным (СССР-США), Д. Хмельницким (Россия-Германия) и М.Г. Мееровичем (Россия).

Выстраивая свое масштабное, столь резонансное для позднесоветского времени культурологическое исследование с позиции структуралистской методологии, В. Паперный доказывает, что все процессы в архитектуре 1930-1950-х гг. укладываются в понятие «культура два», которым он описывает в целом культурно-идеологическую ситуацию в стране.

Применяя систему бинарных оппозиций и конструируя «культура два» от противоположного, из отрицания «культуры один» (1920-е гг.), он на уровне социальных процессов (растекание – затвердевание), места и назначения человека в культуре (механизм – человек), а также этики и эстетики эпохи (лирика – эпос) наполняет ее следующими характеристиками.

Во-первых, в социальной, идеологической и политической плоскости он приписывает ей черты конечности (эсхатологичности), неподвижности (статичности, ориентированности на вечность), вертикальности и иерархичности.

Конечность понимается как возврат к историчности мышления, в т.ч. и в архитектуре, как отказ от художественных экспериментов «молодой», пульсирующей, движущейся «культуры один». «Все классические архитектурные трактаты, начиная с Витрувия и кончая Виоле-ле-Дюком, были переведены и роскошно изданы именно в это время. Основной проблемой архитектуры становится освоение наследия...» [17, с. 47]. Формально следуя этой логике, можно, как А.В. Иконников, определять состояние того времени и художественный стиль как историзм.

Неподвижность в его интерпретации – это даже не статичность, а та самая монументализация, «затвердевание», вынесенное в заголовок. Это ориентация на вечность, на вечные классические ценности архитектуры классицизма. Вертикальность и иерархичность подразумевали отход от горизонтальности в эстетике и строительстве. Иерархия жанров, ордеров, порядок и соподчиненность стали базовыми началами в обществе, а соответственно и в архитектуре.

Большинство из перечисленных характеристик – это признаки классицизма как такового, то есть по сути, по духу. В. Паперный эпоху 1930-х гг. определял как классицистскую. В целом, по степени дисциплинарности эпоха Сталина соответствовала европейской классике Нового Времени.

В этом он видит архетип русской культуры, унаследованный от христианства: «установка на Слово, Имя и Иерархия проявились больше в культуре 2», – пишет В. Паперный [17, с. 207].

В плане вмонтированности человека в общество, он наделяет его и творимую им архитектуру характеристиками: индивидуального (возрождение персонального, академического XIX в., отрицание коллективности «культуры 1»), живого, имени и, к сожалению, зла.

Выразилось это в изменении конфигурации проектируемых пространств. Ушли в прошлое квартиры без кухни и комнаты коллективного сна с перегородками. Персонификация, примат индивидуального выразились в отрицании функциональности и механистичности в осмыслении человека, а соответственно и его жилища, которыми грешит «культура 1» [17, с. 160].

Живая «культура 2» была, как и идеология домодерной империи, ориентирована на Имя (Ленин, Сталин), на мифологию в отличие от «культуры 1», сфокусированной на понятии (электрификация, баррикада) [17, с. 182].

Интересна интерпретация зла. В архитектурной плоскости оно трактуется как превращение моделей «культуры 1» в антимир в рамках «культуры 2». Например, изучаемая и существующая

преступность «культуры 1», которую пытаются разрешить средствами эффективного коллективного барака, затвердевает в индивидуальном карцере «культуры 2» [17, с. 216].

Этические и эстетические намерения эпохи, реализуемые в культуре, он описывает в категориях Слова, Нот (метафора дирижирования, манипуляции), Художественного, Правды и Чуда.

Сравнивая с «культурой 1», которую В. Паперный определяет через бинарные оппозиции характеристик «культуры 2» (горизонтальность, коллективное, неживое), нужно отметить следующее. Тот набор черт, в которых он описывает культурные и социально-политические процессы эпохи Сталина (за исключением особо тенденциозных «зла» и др.), то есть «культуры 2», вполне адекватен и приемлем современной гуманитарной мыслью. Он опознается сейчас как стандартный набор гуманистических, либеральных ценностей, в значительной мере порожденных идеологией Просвещения, которая являлась концептуальным выражением классицизма.

Описывая процесс «сталинизации архитектуры» [27, с. 141] (или «затвердевания» по В. Паперному), Д. Хмельницкий подмечает вариативность интерпретации классического наследия в рамках генерального направления. Архитектуру 1930-х гг. он разделяет на реальную и бумажную, которая не будет реализована. Первую он описывает через термины «монументального классицизма» (с элементами конструктивизма, Лангман, Ной, Троцкий, Б. Иофан), «красной дорики» (с тенденцией к сложности, к неупрошенному классицизму, И.А. Фомин), «палладианского классицизма» (И. Жолтовский), «патетической эклектики» (А. Щусев) и «пышной, разнообразной и изобретательной архитектуры Розенфельда, Иохелеса, Бурова» [27, с. 203].

Второе направление он рефлексировал в понятиях «виртуального псевдоконструктивизма» братьев А.А., В.А. и Л.А. Весниных и М.Я. Гинзбурга, «который существовал в проектах, но нигде не переходил в стадию строительства» [27, с. 203].

Подмечая нюансы и полутона стилистических направлений эпохи, он утверждает, что «сталинская архитектура» или «стиль Сталин» сложился как мозаика из различных направлений, созданная личным вкусом Сталина [27, с. 203].

Историк и архитектор М.Г. Меерович, занимавшийся большей частью жилищной политикой сталинской эпохи, главным критерием стиля видит тоталитарный строй в социально-политической сфере. Поэтому для него архитектура 1930-х гг. – это всегда «тоталитарный стиль», описывающий сталинские репрессии и угнетения [16].

В итоге, можно констатировать, что современное исследовательское пространство гуманитарных и архитектурных наук имеет достаточно масштабную «область рассеивания» понятия советский неоклассицизм. В зависимости от избранной идеологии (М.Г. Меерович, Д. Хмельницкий), методологии (В. Паперный) и критерия (А.И. Иконников) данное направление в советской архитектуре 1930-1950-х гг. может быть описано в различных терминах от «сталинского ампира» и «пролетарской классики» до историзма и «сталинского барокко».

Положительной тенденцией является фиксация нюансов и полутонов в развитии стилевых направлений. «Патетическая эклектика» А. Щусева у Д. Хмельницкого и «помпейский стиль» у А.И. Иконникова – иллюстрации этой тенденции.

Показательно, что советские и современные интерпретации сталинской архитектуры детерминированы рефлексией классики и неоклассики самими советскими архитекторами и теоретиками 1930-1950-х гг.

Так, на протяжении указанного отрезка времени конфигурации понятия «классика» менялись в теориях и на уровне практического воплощения. Чистое итальянское Возрождение, палладианство, манифестировавшие разрыв с конструктивизмом, сменились русским классицизмом XVIII-XIX вв. с элементами русского национального стиля XVII в. (стиль высотных зданий в Москве апеллировал к «русскому XVII в.»). Если до войны западный классицизм считался прогрессивным, то после войны – нет, хотя российский был его репликой.

Исследование В. Паперного, выделяющееся концептуальностью и методологией на фоне остальных работ, описывает советский неоклассицизм через понятие «культуры два». Даже несмотря на авторские негативные интенции в нем, сталинская архитектура укладывается в пространство гуманистических ценностей классицизма (предтеча современных либеральных ценностей), по сравнению с творческой, экспериментальной, но бесчеловечной «культурной один».

Исходя из всего вышесказанного, можно утверждать, что советский неоклассицизм был территорией «расширенной классики» (от итальянских рефлексий А. Палладио до древнеегипетской и крито-мекенской стихийности), функционирующей в рамках возрождения национальной

имперской традиции при соответствующем уровне социального и технологического развития. При этом он обладал набором гуманистических ценностей, присущих классицизму и эпохе Просвещения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архитектура сталинской эпохи. Опыт исторического осмысления / Сост. и отв. ред. Ю.Л. Косенкова. – М.: Ком Книга, 2010. – 496 с.
2. Васькин А.А. Сталинские небоскребы: от Дворца Советов к высотным зданиям. – М.: Спутник+, 2009. – 236 с.
3. Вильковский М. Социология архитектуры. – М.: Фонд «Русский авангард», 2010. – 592 с.
4. Власть и творчество. Архитектура в истории русской культуры. Вып. 4. / Отв.ред. Бондаренко И.А. – М.: Эра, 1999. – 192 с.
5. Волчок Ю.П. «Почему же все это должно было произойти?» (Об универсальности понятия «пролетарская классика» для осмысления и обобщения архитектуры периода 1930-1950-х годов) // Архитектура сталинской эпохи. Опыт исторического осмысления. – М., 2010. – С. 74-79.
6. Вундрам М. Палладио, 1508-1580. Законы гармонии. – М., 2009. – 95 с.
7. Даниэль С.М. Европейский классицизм. Эпоха Пуссена. Эпоха Давида. – СПб.: Азбука-классика, 2003. – 304 с.
8. Иконников А.В. Архитектура XX века. Утопии и реальность. Т. 1: В 2 т. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 655 с.
9. Иконников А.В. Тысяча лет русской архитектуре. Развитие традиций. – М., 1990. – 384 с.
10. Иконников А.В. Утопическое мышление и архитектура: социальные, мировоззренческие и идеологические тенденции в развитии архитектуры. – М.: Архитектура-С, 2004. – 399 с.
11. Иконников А.В. Утопия и власть в архитектуре между двумя мировыми войнами // Архитектуры в истории русской культуры. – Вып. 4. – Власть и творчество. – С. 32-40.
12. Иовлева Е.В. Неоклассицизм в архитектуре Свердловска (1930-1950 гг.) // Автореф. канд. архитектуры. – Екатеринбург, 2004. – 22 с.
13. Казусь И.А. Советская архитектура 1920-х годов: организация проектирования. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 462 с.
14. Мартынович О.В. Архитектурное наследие 1920-30-х гг. в формировании облика Екатеринбурга. // Автореф. канд. архитектуры. – Екатеринбург, 2004. – 21 с.
15. Меерович М.Г. Стратегия централизации и запрет советского архитектурного авангарда// Архитектура сталинской эпохи. Опыт исторического осмысления. – М., 2010. – С. 31-40.
16. Меерович М.Г. Наказание жильем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми 1917-1937. – М.: РОССПЭН, 2008. – 303 с.
17. Паперный В. Культура Два. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 383 с.
18. Раппопорт А.Г. «Сталинский ампи́р» - гипнотизм и наркотизм стиля// Архитектура сталинской эпохи. Опыт исторического осмысления. – М., 2010. – С.64-74.
19. Рябушин А.В. Гуманизм советской архитектуры – М.: Стройиздат, 1986. – 376 с.
20. Сдвижков Д. Империя в наполеоновском наряде: восприятие французского неоклассицизма в Российской империи // *Imperium inter pares*: роль трансферов в истории российской империи, 1700-1917. – М., 2010. – С. 88.
21. Фуко М. Археология знания. – Киев: Ника-Центр, 1996. – 207 с.
22. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 575 с.
23. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – М., 1977. – 392 с.
24. Хан-Магомедов О.С. «Сталинский ампи́р»: проблемы, течения, мастера // Архитектура сталинской эпохи. Опыт исторического осмысления. – М., 2010. – С. 10-24.
25. Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда. Проблемы формообразования. Мастера и течения – М.: Стройиздат, 1996. – 709 с.
26. Хмельницкий Д. Архитектура Сталина. Психология и стиль. – М.: Прогресс-Традиция, 2007. – 374 с.
27. Хмельницкий Д. Зодчий Сталин. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 304 с.
28. Остроумов В.П. Казань: Очерки по истории города и его архитектуры. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. – 294 с.
29. Закирова Т.Р. Прошлое и современность //Архитектура СССР, 1985, № 5. – С. 32-35.

REFERENCES:

1. Architecture of the Stalin`s epoch. Experience of historical reflection / Ed. by J.L. Kosenkova. – M., 2010. – 496.
2. Vas'kin AA Stalin`s skyscrapers: from Palace of the Soviets to high-rise buildings. – M., 2009. – 236 p.
3. Vilkovsky M. Sociology of architecture. – M., 2010. – 592 p.
4. Power and creativity. Architecture in the history of Russian culture. Vol. 4. / Ed. by Bondarenko. – M., 1999. – 192 p.
5. Spinner JP «Why all this should have happened ?» (about universality of the concept of «proletarian classic» for reflection and synthesis architecture of the period 1930-1950) // Architecture of the Stalin epoch. Experience of historical reflection. – M., 2010. – P. 74-79.
6. Vundram M. Palladio 1508-1580. The regulations of harmony. – M., 2009. – 95 p.
7. Daniel S.M. European classicism. The era of Poussin. The era of David. - St.Peterburg, 2003. – 304 p.
8. Ikonnikov A.V. Architecture of the XX century. Utopia and Reality. Volume 1: in 2 vol. – M., 2001. – 655 p.
9. Ikonnikov A.V. Thousand Years of Russian architecture. Development of traditions . – M., 1990. – 384 p.
10. Ikonnikov A.V. Utopian thinking and architecture: social, philosophical and ideological trends in architecture. – M., 2004. – 399 p.
11. Ikonnikov A.V. Utopia and the power of the architecture between the two world wars // Architecture in the history of Russian culture. – Vol. 4. – The power and creativity. – P. 32-40.
12. Iovleva E.V. Neoclassicism in architecture of Sverdlovsk (1930 - 1950) - Abstract. Cand. architecture. - Ekaterinburg, 2004. – 22 p.
13. Kazus I.A. Soviet architecture of the 1920's: the organization of the design. – M., 2009. – 462 p.
14. Martynovich O.V. Architectural Heritage 1920-30 in shaping the image of Yekaterinburg. – Cand. Cand. architecture. – Ekaterinburg, 2004. – 21 p.
15. Meerovich M.G. The strategy of centralization and the prohibition of the Soviet avant-garde // Architecture of the Stalin`s epoch. Experience of historical reflection. – M., 2010. – P. 31-40.
16. Meerovich M.G. Penalty housing: domestic policy in the USSR as a means of manipulation of people, 1917-1937. – M., 2008. – 303 p.
17. Paperny B. Culture Two. – M., 1996. – 383 p.
18. Rappaport A.G. «Stalin's empire style» – hypnotism and addiction of style // Architecture of the Stalin`s epoch. Experience of historical reflection. - M., 2010. – P. 64-74.
19. Ryabushin A.V. The humanism of Soviet architecture – M., 1986. – 376 p.
20. Sdvizhkov D. Empire in Napoleonic garb: the perception of French neoclassicism in the Russian Empire // Imperium inter pares: the role of transfers in the history of the Russian Empire, 1700-1917. – M., 2010. – P. 67-105.
21. Foucault M. Archaeology of Knowledge. – Kiev, 1996. – 207 p.
22. Foucault M. The history of madness in the Classical epoch. – St.Peterburg, 1997. – 575 p.
23. Foucault M. Words and things. Archaeology of Human Sciences. – M., 1977. – 392 p.
24. Khan-Magomedov O.S. «Stalin's empire style»: problems, trends and masters // Architecture of the Stalin`s epoch. Experience of historical reflection. – M., 2010. – P.10-24.
25. Khan-Magomedov O.S. Architecture of the Soviet avant-garde. Problems of morphogenesis. Masters and trends – M., 1996. – 709 p.
26. Khmel'nitsky J. Architecture of Stalin. Psychology and style – M., 2007. – 374 p.
27. Khmel'nitsky J. Stalin is architect – M., 2007. – 304 p.
28. Ostroumov V.P. Kazan: Essays of the history of the city and its architecture. Kazan, 1978. – 294 p.
29. Zakirova T. R. Past and Present // Architecture of the USSR. – 1985, № 5. – P. 32-35.